

²⁰ Habermas J. «Wahrheitstheorien»//Wirklichkeit und Reflexion: Festschrift für Walter Schulz. Pfulligen, 1973. P. 219.

²¹ Habermas J. Theory and Practics. Boston, 1973. P. 150—151.

²² Habermas J. Legitimationsprobleme im Spätkapitalismus. Fr. a. M., 1973. S. 21—22.

²³ Ibid. S. 165.

А. Н. ТРОЕПОЛЬСКИЙ

(Калининградский государственный университет)

Логико-когнитивный анализ границы между научным знанием и верой в критической философии Канта

Я полагаю, что мои выводы, не совпадающие с выводами Канта, в случае, если они выдержат критику, нисколько не умаляют того, что сделано Кантом в философии¹.

Как известно, вопрос о границе между научным знанием и верой, некогда поставленный и разрешенный в философии Канта, не теряет своей актуальности и в настоящее время. Это побуждает нас снова вернуться к анализу данной проблемы у Канта с тем, чтобы представить его в некотором обобщенном виде и на этой основе, используя средства логико-когнитивного анализа, дать адекватное разрешение поставленной Кантом проблемы.

На мой взгляд, позицию Канта можно представить следующим образом. Все знание можно разделить на научное знание и ненаучное. Научное знание приобретает субъектом познания на основе теоретического, а ненаучное знание — на основе практического разума и, по существу, ненаучное знание совпадает с верой. В свою очередь, научное знание может быть знанием об объектах мира, реальное существование которых доказывается в границах теоретического разума, и знанием о самом процессе познания. Первое можно назвать положительным онтологическим знанием. Область этого знания представлена естественными науками и математикой. Второе можно назвать гносеологическим знанием. Оно представлено критической философией Канта, из которой следует, что научная философия возможна лишь как гносеологическое знание и невозможно как положительное онтологическое знание, на что, согласно Канту, безуспешно претендовала вся предшествующая догматическая метафизика. Как известно, невозможность научной метафизики как положительного онтологического знания Кант обосновывает тем, что разум в метафизике имеет дело со сверхчувственными сущностями и, строя утверждения о них, вынужден прибегнуть к основоположениям, которые выходят за пределы всякого возможного опыта и вследствие этого становятся внутренне противоречивыми, благодаря чему в границах теоретического разума невозможно ни доказать, ни опровергнуть существование

метафизических сущностей типа «вещь в себе», ноумен, бог и т. д. Правда, согласно Канту, существование онтологии метафизики можно постулировать в рамках практического разума, но в данном случае, на наш взгляд, мы будем иметь дело с ненаучным онтологическим знанием, основанным на вере, и вряд ли можно надеяться на то, что такое знание может быть достаточно эффективным в плане возбуждения у личности сильной воли к практическому действию. Ибо, как мне представляется, такая воля может возникнуть у личности лишь на основе знания, полученного в границах теоретического разума, так как только такое знание разумный человек отождествляет со знанием того, что имеет место на самом деле.

В свете сказанного актуальна постановка следующей проблемы: возможна ли научная метафизика вообще и научная метафизика религии в частности как положительное онтологическое знание, то есть как положительное знание о сверхчувственных сущностях мира, достигнутое в рамках теоретического разума?

Поставленный вопрос вдохновляет на исследование. Но с чего его начать? Не с того ли, что подвергнуть сомнению утверждение Канта о том, что всегда, когда рассудок и разум мыслят сверхчувственное, они выходят за границы возможного опыта.

В этой связи, на мой взгляд, особый интерес представляет математика вообще как область знания, и Кантова философия математики в частности. Этот мой двоякий интерес к математике вполне понятен. Во-первых, потому, что в математике мы имеем дело с ясным аподиктическим знанием и, во-вторых, сам процесс познания математических сущностей имеет более четкие границы, чем аналогичный процесс в метафизике, в силу чего, как известно, сам Кант рассматривал математическое познание как некий эталон для метафизического познания и проводил свое исследование на основе сравнения процесса познания сущностей в этих дисциплинах.

В настоящем анализе мы также следуем сравнительному методу. Согласно Канту, «...математика остается на почве чувственно воспринимаемого, так как разум сам может конструировать для него понятия, то есть а priori изображать их в созерцании и таким образом а priori познавать предметы, тогда как философия берется там расширить познание разума, где предмет не может быть представлен, как в предыдущем случае».

Цель моего анализа показать, что онтология элементарной математики содержит не только чувственные, но и, по аналогии с метафизикой, сверхчувственные сущности; при этом разум, высказывая суждения о них, не выходит в математике за границы возможного опыта не только на основе метода конструирования математических понятий, как это полагал Кант, но и на основе метода их символизирования, который, согласно Канту,

имеет сферу применения лишь в метафизике и теологии. Далее я постараюсь показать, что определенная часть сверхчувственных существ метафизики и теологии может быть представлена на основе метода символизирования понятий в границах возможного опыта. Тем самым будет обоснована возможность научной метафизики и научной теологии как положительного онтологического знания, по аналогии с естествознанием и математикой.

Итак, Кант в «Критике чистого разума» пишет, что «Философское познание есть познание разумом из понятий, а математическое познание есть познание из конструкций понятий. Но конструировать понятие означает изобразить а priori соответствующее ему созерцание. Итак, для конструкции понятия требуется не эмпирическое созерцание (а чистое созерцание.— Т. А.), которое, следовательно, существует в качестве созерцания отдельного объекта, но тем не менее в качестве конструкции понятия (всеобщего представления) должно выразить в представлении всеобщую значимость для всех возможных созерцаний, которые подпадают под это самое понятие» (А 713/В 741). Очевидно, что этому фрагменту можно придать следующую, более ясную логико-когнитивную интерпретацию: 1) конструирование понятий применяется только в математике; 2) результат конструирования математического понятия есть некоторое единичное чистое созерцание, которое является обобщенным и в то же время чувственным представителем всех единичных созерцаний, составляющих элементы объема конструируемого понятия. Что это представление должно быть непременно чувственным, подтверждается следующим примером Канта, разъясняющим понятие «чистое созерцание». «Так, когда я отделяю от представления о теле все, что рассудок мыслит о нем,— пишет Кант,— как то: субстанцию, силу, делимость и т. п., а также все, что принадлежит в нем ощущению, как то: непроницаемость, твердость, цвет и т. п., то у меня остается от этого эмпирического созерцания еще нечто, а именно: протяжение и образ. Все это принадлежит к чистому созерцанию, которое находится в душе а priori также и без действительного предмета чувств или ощущения (А 20/В 35).

Приведенное выше описание метода конструирования понятий показывает, что он применим лишь к таким понятиям, промышление схемы которых в виде определения или вербального разъяснения вообще вызывает у познающего субъекта определенный чистый чувственный образ. Очевидно, что не все понятия таковы и можно согласиться с Кантом, что этому требованию не удовлетворяют понятия метафизики. Например, «пейрон», «субстанция», «ноумен», «вещь в себе», «монаду» и т. д., конечно же, нельзя конструировать. Можно также утверждать, что промышление определений понятий элементарной геометрии, таких, как треугольники, параллелограммы, трапеции, ко-

нусы и т. д. вызывает в сознании познающего субъекта чистые чувственные образы, однако, на мой взгляд, не все из них можно рассматривать в качестве результатов их конструирования в смысле Канта. Напомним, что результатом конструирования понятия, по Канту, является единичное чистое созерцание, которое является обобщенным чувственным представителем каждого отдельного созерцания, выступающего элементом объема конструируемого понятия.

Однако нетрудно убедиться в правомерности классификации всех понятий, промышление схем которых вызывает чистые чувственные образы, на понятия с гомогенным объемом и понятия с гетерогенным объемом.

Назовем некоторые из них понятиями с гомогенным объемом, если и только если в их объемах не выделяются части, то есть подмножества элементов, и все их элементы с практически приемлемой степенью точности однородны. Именно такими понятиями, то есть понятиями с гомогенным объемом, являются понятия «конус», «окружность», «прямоугольный треугольник».

Соответственно назовем некоторые из вышеописанных понятий понятиями с гетерогенным объемом, если и только если в них выделены части и все их элементы с определенной точки зрения являются различными, то есть неоднородными. Примерами таких понятий, очевидно, выступают понятия «геометрическая фигура», «треугольник», «ромб» и т. д.

Нетрудно заметить, что понятия с гетерогенным объемом нельзя представить а priori в виде единичного чистого созерцания, которое является чувственным представителем каждого отдельного созерцания, входящего в объем данного понятия. Например, когда мы начинаем промышлять схему понятия «треугольник», заданную в виде разъяснения: «плоская геометрическая фигура, образованная соединением прямыми линиями трех точек, не лежащих на одной прямой», у нас а priori возникает в сознании чистый образ либо остроугольного, либо прямоугольного, либо тупоугольного треугольника, но не треугольника вообще. Допустим, это единичное чистое созерцание прямоугольного треугольника. Но тогда очевидно, что это единичное чистое созерцание нельзя рассматривать в качестве чувственного представителя тупоугольных и остроугольных треугольников и, следовательно, информацию, заключенную, например, в теореме Пифагора, нельзя относить к этим треугольникам. Следовательно, строго говоря, понятие «треугольник» не может конструироваться в смысле Канта, а его утверждение о том, что математика всегда рассматривает всеобщее (allgemeine. — Т. А.) in concreto в отдельном созерцании и при этом через чистое представление» (А 735/В 763), ошибочно.

Еще большие трудности возникают с элементарными понятиями арифметики, например, с понятием «натуральное число». Во-первых, очевидно, что это понятие с гетерогенным объемом,

и уже поэтому не является конструируемым в смысле Канта. Во-вторых, хотя элементы объема этого понятия и можно представить а priori в чистом априорном созерцании, однако снова вряд ли это представление можно назвать конструированием в смысле Канта, так как чистые чувственные сущности, которые мы при этом сопоставим именам «1», «2», «3» и т. д. в виде последовательности штрихов I, II, III и т. д., являются чисто условными и совершенно произвольными. Ибо с тем же успехом мы могли бы сопоставить этим именам последовательности треугольников либо последовательности кругов. А это, в свою очередь, наводит нас на мысль, что в данном случае и последовательности штрихов, и последовательности треугольников, и последовательности кругов суть не что иное как символы, обозначающие некоторые сверхчувственные сущности, каковыми являются натуральные числа. Отсюда следует вывод, что фундаментальное понятие всей математики, понятие «натуральное число», можно представить *in concreto* не непосредственно, а опосредованно, то есть с помощью метода символизирования. В связи с этим представляет большой интерес характеристика метода символизирования (символизации) и его связь с другими методами и, в частности, с методом конструирования понятий у Канта. Кант пишет: «Представить чистое рассудочное понятие как мыслимое в связи с предметом возможного опыта — значит придать ему объективную реальность и вообще изобразить его. Там, где этого нельзя сделать, понятие пусто, то есть вовсе не годится для познания. Это действие называется схематизмом, если объективная реальность сообщается понятию прямо через соответствующее созерцание, то есть понятие изображается непосредственно; если же понятие нельзя изобразить непосредственно, а можно изобразить только в его проявлениях (опосредованно), то действие это можно назвать символизированием понятия. Первое имеет место в отношении понятий чувственно воспринимаемого мира, второе есть необходимое вспомогательное средство для понятий о сверхчувственном, которые, собственно, не могут быть изображены или даны в каком-либо возможном опыте, но все же необходимо принадлежат познанию, хотя бы оно было возможно лишь как практическое»².

На мой взгляд, этот фрагмент можно понимать так. Во-первых, согласно Канту, лишь процесс схематизации конституирует объективную реальность. Во-вторых, эта объективная реальность простирается лишь в диапазоне непосредственно чувственно представимого, которое есть либо эмпирически чувственное, если понятие о нем непосредственно изображается с помощью ощущений и восприятий, либо чисто чувственное, если понятие о нем непосредственно изображается а priori в чистом созерцании, то есть, если оно конструируется. В-третьих, сам процесс конструирования понятий есть частный случай более

общего процесса схематизации понятий. В-четвертых, и это самое главное, мы должны признать, что в соответствии с описанными в данном фрагменте возможными действиями рассудка в случае изображения натуральных чисел в конструктивной математике рассудок осуществляет не процесс их конструирования в кантовском смысле, а процесс их символизации в смысле Канта. И хотя в соответствии с подходом Канта символизация в данном случае применяется к сверхчувственным сущностям, однако нетрудно видеть, что, вопреки утверждениям Канта, она протекает в границах возможного опыта и в рамках теоретического разума. В итоге можно сделать следующие важные выводы: 1) метод символизации понятий плодотворно применяется в математике в целях познания; 2) с помощью метода символизирования некоторое сверхчувственное можно представить посредством чувственного, то есть некоторое сверхчувственное представимо в границах возможного опыта.

В связи с этими выводами напрашиваются важные проблемные вопросы: каковы границы применения метода символизирования к сверхчувственным сущностям? И в частности, можно ли применить метод символизирования понятий для конституирования научной метафизики? В плане поиска ответов на поставленные вопросы приведем и проанализируем соответствующие рассуждения Канта. Так, в работе «...Какие действительные успехи сделала метафизика в Германии со времени Лейбница и Вольфа?» Кант пишет: «Посредством созерцания, соответствующего понятию, предмет дается; без созерцания он только мыслится. Посредством одного только созерцания, без понятия, предмет, правда, дается, но не мыслится; посредством понятия без соответствующего созерцания он мыслится, но не дается. Следовательно, в обоих случаях предмет не познается. Если к понятию присоединяется соответствующее априорное созерцание, то говорят, что понятие конструировано; если же присоединяется только эмпирическое созерцание, то это называют просто примером для понятия. Акт присоединения созерцания к понятию называется в обоих случаях изображением (*exhibitio*) объекта; без него (будь оно опосредованное или непосредственное) невозможно никакое познание» (6, 251). Обратим внимание на то обстоятельство, что в данном контексте Кант непосредователен. С одной стороны, он исчерпывает акт изображения понятия лишь двумя случаями (конструированием и примером для понятия) и тем самым не оставляет места в познании процедуре символизирования понятий и, следовательно, понимает процесс конструирования понятий шире, чем он определял его изначально, и тем самым нарушает в своем рассуждении закон тождества формальной логики, а с другой стороны, утверждая возможность опосредованного изображения понятия, он подразумевает три способа изображения понятий (непосредственное априорное изображение понятий — конструирование

понятий; опосредованное априорное изображение понятий — символизирование понятий; непосредственное изображение понятия с помощью эмпирического созерцания — пример для понятия). Элементы непоследовательности обнаруживаются также в его последующих рассуждениях. «Возможность мысли или понятия, — пишет Кант, — основывается на законе противоречия, например, понятие о мыслящем бестелесном существе (духе). Вещь, о которой даже и мысль невозможна (то есть понятие которой противоречит самому себе), невозможна. Но вещь, понятие которой возможно, от этого еще не делается возможной. Возможность первого рода называется логической, возможность второго рода — реальной. Доказательство последней служит доказательством объективной реальности понятия, его мы имеем право требовать. Но оно может быть дано не иначе как с помощью изображения объекта, соответствующего понятию; иначе он остается только мыслью, относительно которой неизвестно, соответствует ли ей какой-либо предмет, или она пуста, то есть может ли она вообще служить для познания, остается неизвестным, пока объект не дан на примере» (6, 251—252). Итак, с одной стороны, по Канту, мысль, представляющая понятие, обладает познавательной ценностью, если она изображается, то есть либо конструируется, либо символизируется, либо демонстрируется с помощью эмпирического созерцания (пример для понятия), а с другой стороны, она обладает познавательной ценностью лишь в третьем случае, то есть если объекты, мыслимые в ее объеме, даны на примере.

Очевидно, что при первом подходе с учетом предшествующей непоследовательности Канта мы имеем у него следующие альтернативы:

а) если изображение понятия понимается только как его конструирование, либо как демонстрация на примере, то в границах теоретического разума познавательное значение имеют лишь математика и естествознание,

б) если к изображению понятия добавляется и его символизирование, то познавательное значение имеет и метафизика, но только в границах практического разума.

При втором подходе, то есть если изображение понятия понимается исключительно как его демонстрация на примере, то познавательное значение в границах теоретического разума имеет лишь естествознание.

Из приведенных фрагментов рассуждений Канта можно сделать вывод, что в конечном счете Кант склонялся именно ко второму подходу, так как только в случае демонстрации понятия на примере, по Канту, мы имеем дело с объективной реальностью, то есть с реальным существованием объектов. На первый взгляд, эта точка зрения, действительно, представляется вполне естественной. Ведь, например, понятие «крылатая лошадь», несмотря на непротиворечивость его содержания, явля-

ется пустым относительно эмпирического мира. Однако, и это звучит аксиоматично, человек реально живет не только в эмпирическом мире, но и, согласно самому Канту, в умопостигаемом мире, и относительно этого мира, на мой взгляд, есть все основания считать понятие «крылатая лошадь» непустым, так как промысливание его содержания вызывает в нашем сознании чистое априорное созерцание крылатой лошади; иными словами, данное понятие может конструироваться и рассматриваться как понятие планиметрии либо стереометрии, относительно конструкции которого при дальнейшей ее конкретизации можно, например, сформулировать задачу вычисления ее площади либо объема (в стереометрическом смысле). Итак, встает дилемма: либо понимать объективную реальность, реальное существование исключительно как эмпирическое существование, и тогда не только метафизика, но и математика имеет квазионтологию, либо расширить понимание объективной реальности, реального существования, включив в нее (в него), помимо объектов эмпирического созерцания, объекты, конструируемые рассудком и разумом *a priori*, а также объекты, символизируемые ими *a priori*, и тогда не только естествознание и математика, но и метафизика имеют действительную онтологию, и следовательно, возможна научная метафизика как положительное онтологическое знание.

Но решение данной дилеммы не должно быть произвольным. Оно предполагает четкое различие, с одной стороны, объективной и субъективной реальности, а с другой стороны, объективной реальности и квази- или псевдореальности. В настоящем анализе под субъективной реальностью в самом общем смысле я буду понимать совокупность мыслей и чувств о чем-либо. Очевидно, что этим «чем-либо» могут быть как существующие объекты (сущности), так и несуществующие объекты (сущности), то есть квазиобъекты (квазисущности) или, что то же самое, псевдообъекты (псевдосущности). Исходя из этого, будем понимать под объективной реальностью множество существующих объектов, а множество несуществующих объектов (сущностей), то есть множество квазиобъектов или псевдообъектов, назовем соответственно квази- или псевдореальностью. Следует также отметить, что все мыслимое может быть либо чувственным, либо сверхчувственным, либо чувственно-сверхчувственным объектом (сущностью). В свою очередь, все чувственные объекты (сущности) можно разделить на эмпирические объекты (сущности) и объекты априорного чистого созерцания. А сверхчувственные объекты — на объекты, которые не являются мыслями, и объекты, которые являются мыслями. Последние имеют место в случае рефлексии, то есть когда мы высказываем мысль о мысли. И наконец, на мой взгляд, сверхчувственные объекты (сущности), можно разделить на «вещи в себе», то есть на сверхчувственные объекты, которые аффици-

руют органы чувств человека и порождают эмпирические явления (образы), и на ноумены, то есть на сверхчувственные объекты, которые не аффицируют органы чувств человека. Последнее, на мой взгляд, можно было бы, в свою очередь, разделить на ноумены, которые аффицируют интеллект человека и тем самым порождают его мысли, и ноумены, которые не аффицируют интеллект человека, хотя и существуют как сверхчувственные сущности. В свете описанной классификации намечается дальнейшая конкретизация объективной реальности, посредством формулирования критериев существования чувственных и сверхчувственных объектов. Описанная проблематика, на мой взгляд, составляет содержание онтологии как раздела философии в широком смысле, то есть как мировоззрения, в котором описывается целостный взгляд человека на мир. Наряду с этим онтологией следует понимать и в более узком смысле, то есть как раздел метафизики, описывающий различные сверхчувственные сущности и критерии их существования. Наконец, слово «онтология» может пониматься в смысле предметной области определенной пауки, философии в широком смысле или предметной области метафизики. Иными словами, в этом смысле можно говорить об онтологии математики, онтологии философии, онтологии метафизики и онтологии метафизики религии разума, в частности. Именно в этом смысле я буду в дальнейшем употреблять слово «онтология». Выше мы убедились, что онтологию элементарной арифметики составляют сверхчувственные сущности определенного вида — натуральные числа, и это обнаруживается в том, что в конструктивной математике эти сущности проявляются на основе процесса символизации элементов объема понятия «натуральное число». Очевидно, что применение метода символизации в конструктивной арифметике не создает ее сверхчувственную онтологию — натуральные числа, а лишь проявляет ее, делает ее наглядно обозримой и хорошо удерживаемой в сознании в акте познания. Таким образом, метод символизации понятий, как справедливо полагал Кант, имеет хотя и важное, но все же вспомогательное значение, и, следовательно, само по себе его применение в познании нельзя рассматривать в качестве критерия существования сверхчувственных объектов, которые символизируются. Ибо очевидно, что прежде, чем нечто можно символизировать, это должно существовать. А так как в элементарной арифметике и в метафизике мы имеем дело со сверхчувственной онтологией, то понятно, что критерий существования сверхчувственных сущностей должен быть не интуитивным, а дискурсивным. Очевидно, что его можно сформулировать в виде следующего логического условия: нечто сверхчувственное существует тогда и только тогда, когда понятие о нем непротиворечиво, то есть имеет непротиворечивое содержание. И хотя установление непротиворечивости исходных понятий в той или иной области знания

далеко не всегда простая процедура, как это теперь известно из истории обоснования непротиворечивости элементарной арифметики³, только после этого, на наш взгляд, мы имеем право символизировать элементы объема этих понятий с помощью тех или иных чувственных конструкций. И это не случайно. На наш взгляд, в этом здесь проявляется глубокая внутренняя связь между чувственными и сверхчувственными объектами и критериями их существования. Так, мы согласны с Кантом в том, что существование в чувственном мире предполагает быть либо эмпирическим созерцанием, либо априорным чистым чувственным созерцанием. Однако, на наш взгляд, это условие является необходимым, но недостаточным условием существования в чувственном мире. А чтобы оно стало и необходимым, и достаточным, к нему следует присоединить еще условия целостности созерцания, то есть окончательный критерий существования объектов в чувственном мире примет следующий вид: нечто существует в чувственном мире, если и только если оно есть либо целостное эмпирическое созерцание, либо целостное (не разорванное) априорное чистое чувственное созерцание. Рассмотрим следующие понятия: (1) крылатая лошадь; (2) круглый квадрат. Как известно, первое является непротиворечивым понятием, ему в чистом априорном созерцании соответствует целостный образ; объекты, которые мыслятся в объеме этого понятия, как мы показали выше, существуют в чистом чувственном мире в виде определенных целостных геометрических фигур. Очевидно, что со вторым понятием дело обстоит иначе. Оно противоречиво, в чистом априорном планиметрическом созерцании ему не соответствует целостный образ; объекты, мыслимые в нем, не существуют ни в каком из миров. Поэтому нельзя эти объекты и множества этих объектов символизировать с помощью целостных чувственных конструкций, то есть, например, с помощью диаграмм Эйлера. Сказанное, на мой взгляд, полностью относится к обоснованию метафизики вообще, и метафизики религии разума в частности, в качестве науки, то есть в качестве положительного онтологического знания, полученного в границах теоретического разума.

Итак, каким условиям должна удовлетворять метафизика как наука, что нужно для этого ей продемонстрировать?

Как известно, для этого, по Канту, нужно, во-первых, показать, что метафизика имеет реальную онтологию, и во-вторых, что в ней возможны априорные синтетические суждения, то есть аподиктическое знание. Покажем на примере, что эти условия выполнимы для определенных предложений метафизики.

Пусть мы имеем высказывание метафизики:

(1) Все «вещи в себе» суть ноумены.

Будем понимать под ноуменами сверхчувственные сущности, определяемые различными непротиворечивыми понятиями. Очевидно, что таким образом понимаемое содержание понятия «ноу-

мен» непротиворечиво. Следовательно, ноумены существуют в сверхчувственном мире. Далее следует признать непротиворечивым следующее обычное содержание понятия «вещи в себе» как сущности, которая существует объективно вне органов чувств, аффицирует их и создает мир явлений (феноменов). Следовательно, «вещи в себе» существуют. Таким образом, суждение (1) имеет реальную онтологию.

Суждение (1), несомненно, является синтетическим, так как в соответствии с критерием синтетичности суждения в смысле Канта — предикат не содержится в субъекте — в данном суждении предикат не содержится в субъекте. Итак, в метафизике, как и в математике, существуют синтетические суждения а priori.

Разумеется, не все высказывания метафизики являются синтетическими а priori. Некоторые из них, например: все «вещи в себе» аффицируют органы чувств» — являются аналитически истинными. Очевидно также, что в силу определения метафизики как знания о сверхчувственных основаниях бытия в ней невозможны синтетические высказывания а posteriori.

Аналогичным образом, на наш взгляд, дело обстоит и в метафизике религии разума. Интересны последствия такого методологического подхода для христианства как исторической религии. Если в христианстве принимать Бога-отца и Бога святого духа как сверхчувственные сущности, а Иисуса Христа как Бога в чувственном образе человека, то при достаточно убедительном обосновании *непротиворечивости* дескрипции Бога-отца следует признать, что утверждение «Бог-отец существует» представляет научное знание, а утверждение «Состоится второе пришествие Христа» репрезентирует фрагмент веры в христианстве.

В заключение отметим одно важное обстоятельство, связанное с трудностями установления самого факта непротиворечивости онтологических понятий о сверхчувственных сущностях. Дело в том, что на некотором уровне анализа такое онтологическое понятие может обнаруживаться как непротиворечивое, а при другом, более глубоком, окажется противоречивым. Но тогда, в первом случае, высказывание о некоторых сверхчувственных сущностях следует рассматривать как репрезентирующее знание, а во втором как *иррациональную* веру, ибо, как известно, критерием такой веры выступает принцип: верую, потому что абсурдно, то есть противоречиво⁴. Таким образом, понятия знания и веры о сверхчувственном относительно. С другой стороны, проведенное различие позволяет более определенно охарактеризовать *рациональную веру*. На мой взгляд, она может возникнуть относительно эмпирического существования вещей при условии, что чувственные характеристики мыслятся *непротиворечиво*. Так, известно, что в настоящее время крылатые лошади как биологические организмы не существуют. Од-

нако, поскольку содержание понятия «крылатая лошадь» непротиворечиво, то можно верить, что в принципе крылатые лошади могут возникнуть как живые организмы по мере дальнейшей эволюции современных лошадей. В принципе эта точка зрения не нова для философии. Ранее, например, сходные мысли были высказаны Л. Шестовым в несколько иной познавательной ситуации⁵. Последнее, на мой взгляд, не случайно. Оно косвенно подтверждает адекватность интуиции, лежащей в основе предпринятого анализа.

¹ Из доклада, сделанного автором на VI Кантовских чтениях, 21—24 сентября 1993 года, г. Светлогорск.

² Kant I. Schriften zur Metaphysik und Logik. 2. Werkausgabe. Band VI. Hrsg. von W. Weischedel. S. 613.

³ См., например: Гильберт Д., Бернайс П. Основания математики. М., 1982; Столл Роберт Р. Множества. Логика. Аксиоматические теории. М., 1968; Генцен Г. Непротиворечивость чистой теории чисел // Математическая теория логического вывода. М., 1967; он же. Новое изложение доказательства непротиворечивости для чистой теории чисел. // Там же.

⁴ См.: Вера // Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 77—78.

⁵ См.: Шестов Л. И. Апофеоз беспочвенности. Л.: Изд-во ЛГУ, 1991.

И. Д. КОПЦЕВ

(Калининградский государственный университет)

Проблемы логоса и лексиса философской терминологии в «Критике чистого разума»

Важнейшим признаком научной речи, обслуживающим различные сферы знания, является, как известно, терминология. Последняя составляет существенную часть науки. Чем наука, так сказать, «научнее», тем больший вес в ее структуре получает язык и тем более значимым становится вопрос о терминологии¹. Это в полной мере можно отнести и к языку философии и, разумеется, к философской прозе Канта.

Свою терминологическую систему Кант создавал не на пустом месте. До него была уже проделана значительная работа, начиная с ранних философских мистиков и кончая выдающимися представителями Просвещения в Германии, такими философами, как Г. В. Лейбниц, Хр. Томазиус, Хр. Вольф, В. Баумгартен и др. Лейбниц, например, хотя и писал свои труды на латыни, тем не менее призывал немецких философов к разработке философской терминологии на немецком языке, для чего следовало, по его мнению, проводить поиски в двух направлениях, главным из которых он считал использование ресурсов родного языка: возрождение устаревших слов, семантическую трансформацию старых и поиск новых, — затем уже обращаться